

ПозитИФ

Маг - 2010

№ 10

ОСТРОВ ЧЕХОВ

(пьеса института филологии в восьми актах)

позитИФные РЕМАРКИ

Вокруг снуют школьники в картузах и школьницы в накрахмаленных фартучках. Шум, гам, суета. Входят методисты, чтобы объявить об успешном завершении педагогической практики. Наступает тишина, и только слышится отдалённый звук, точно с неба, звук Последнего звонка, замирающий, печальный.

Сцена 2. Аудитории филфака. Окна и двери закрыты. Скрипят перья. Студенты всех курсов участвуют в олимпиаде по русскому языку. Смена декораций. Кафедра русского языка. Окна и двери закрыты. Скрипят... зубы преподавателей. Идёт проверка олимпиадных работ.

Сцена 1. Комсомольск-на-Амуре и его окрестности. Февраль. Студентки 4-го курса в синих форменных платьях учительниц женских гимназий, достав чернил и плача, проверяют ученические тетради.

Звучат фанфары. Входят победители: Юлия Пантелеева (студентка 1 курса), Алексей Миклашевский (студент 1 курса) и Ксения Оненко (студентка 4 курса).

Сцена 3. Университетский сад. В саду холодно, грязно и неудобно. Около выходной двери филфака сложены чемоданы, дорожные узлы и т.п. Субботник. Появляются студенты в поддёвках из тонкого сукна и шароварах. Барышни-третьекурсницы белят деревья; руками и туловищем делают движения, как будто играют на бильярде. Комендант хлопочет около забора. Все окидывают взглядом сад и не спеша уходят. Сцена пуста, слышно, как на ключ запирают все ворота.

Сцена 4. Одна из аудиторий, обращенная в рабочий кабинет. Кроме обычной учебной мебели, в аудитории интерактивная доска. Приносят ноутбук. Пятикурсница раскланивается, потом нерешительно подходит к кафедре. Собирается говорить, пробегает то, что уже написано. Начинается научная конференция.

Три сестры

Афиша от редакции

Этот номер «ПозитИФ» посвящен Антону Павловичу Чехову, 150-летие которого мир отмечал 29 января 2010 года.

«ЭпИГраФ» предлагает новые ремарки для неоконченной пьесы о филфаке и определяет место Чехова в мире искусства;

«номер 1» открывает новые факты о Чехове и напоминает об уже известных;

«персонИФикация» исследует чеховские мотивы в жизни Ольги Николаевны Романовой;

«карт-бланш» знакомит с молодым Чеховым и с его личной перепиской, которую он вёл, будучи студентом и начинающим врачом;

«культурИчности» раскрывает причины магнетической силы творчества Чехова, а также рассказывает о том, кто такие Хина Марковна с Бромом Исаевичем и чем они притягивали писателя;

«рИФмы и рИФы» имеют опосредованное отношение к самому Чехову, но непосредственно связаны с чеховским внимательным отношением к слову;

из «полиФонии» вы узнаете, что «Краткость – сестра таланта» не единственный афоризм Чехова.

Действующие лица и исполнители:

Чехов, писатель, 150 лет.

Филологи, его разновозрастные читатели и почитатели.

«ПозитИФ», их печатное издание.

Действие происходит в доме без мезонина. Уже май, скоро зацветут вишнёвые деревья. В саду слышно, как музыка играет первую фигуру кадрили.

Тираж пьесы: 100 экземпляров.

Адрес редакции: pozit-if@yandex.ru (с пометкой «на деревню дедушке»).

Знаменитость № 98

Знаменитость № 98 – именно это место определил для себя А.П.Чехов в общем ряду известных людей своего времени. Первым номером он считал Л.Н. Толстого, вторым – П.И. Чайковского. Номер 98 – это, конечно, шутка писателя, но уж очень несправедливая по отношению к себе, почти глумливая, а потому требующая объяснений! Думаю, что за чеховским самоуничижающим номером 98 стоит вытребованное писателем право смотреть на человека по-докторски трезво, жестко, беспощадно.

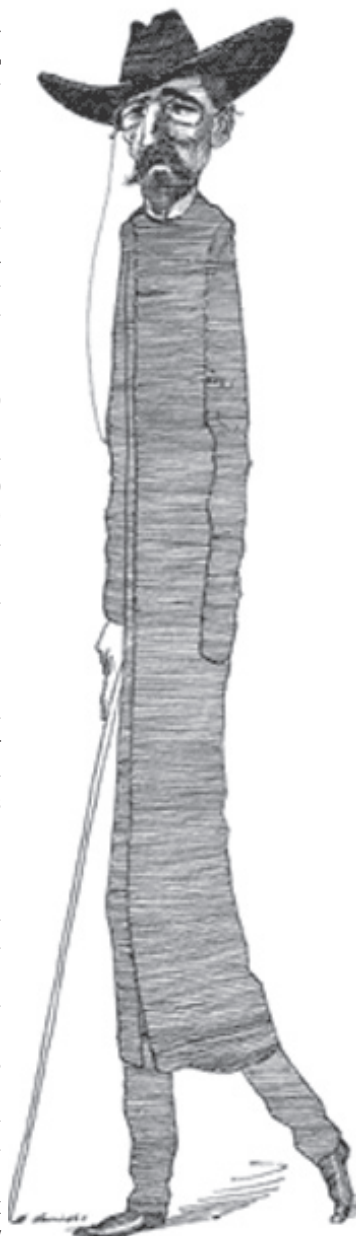
В чеховском художественном мире не найдется ни одного героя, которому бы писатель безусловно симпатизировал, как Тургенев Лаврецькому, Достоевский Алеше Карамазову, Толстой Левину. Герои Чехова не очаровывают, не претендуют быть властителями сердец и душ. Писатель, действительно, безжалостен к человеку – он ничем не прикрывает его внутреннюю наготу, не набрасывает на него спасительные покровы личного обаяния. Но ведь и себя при этом Чехов не щадит, судя по назначенному себе номеру!

Чем же держит Чехов своего читателя (а себя я отношу к их счастливому числу)? Только страданием и состраданием. За каждым чеховским героем скрывается драма непржитой жизни – не прожитой так, как должен и мог бы прожить ее человек, но не смог, или не захотел, или испугался, или поосторожничал. Да мало ли у нас причин прятаться от жизни,

всегда такой запутанной, такой сумеречной. Все герои Чехова – в неоплатном долгу перед жизнью, все, как герой рассказа «Скрипка Ротшильда» гробовщик Бронза, рано или поздно осознают горькую истину: они сделали свою жизнь убыточной, а смерть прибыльной. Читаешь прозу и письма Чехова и видишь, какую неимоверно сложную задачу писатель ставит перед человеком (и собой лично): попытаться выйти из расчетов с жизнью с положительным балансом! (позволю себе эту бухгалтерскую метафору, памятуя о чеховской боязни пафосного слова и его склонности к ерничеству в эпистолярной речи). Вот и чеховскую поездку на Сахалин я объясняю неодолимым его желанием уплатить хотя бы малую часть своего долга.

Чтение Чехова провокационно: тоска, которая гнетет его героев, скука изображенного им мира порождают в нас неодолимое, страстное желание жить другой жизнью, осмысленной, свободной и полной, сделать жизнь прибыльной, а смерть – убыточной. Л.Н.Толстой как-то писал одному весьма второстепенному беллетристу, что основная задача писателя – заставить человека полюбить (так!) жизнь. Немного в нашей литературе писателей, выполняющих эту задачу в полной мере, но Чехов, без сомнения, в их ряду, и его место в этом ряду – в начале списка!

А.Н. Фомина

Факт № 1. У Чеховых было свое предание о происхождении фамилии.

Дядя писателя рассказывал историю о том, что их предок был чех, «родом из Богемии, бежавший вследствие религиозных притеснений в Россию». При этом дядя-романтик прибавлял: «Наверное, это был какой-нибудь особо знатный человек, потому что простому крестьянину бежать из своей родины незачем и даже почти совсем невозможно».

Факт № 2. У Чехова было около 50-ти псевдонимов.

1. А.П.; 2. А.П.Ч-в; 3. Антоша; 4. Антоша Ч.; 5. Антоша Ч.***; 6. Антоша Чехонте; 7. А-н Ч-те; 8. Ан. Ч.; 9. Ан. Ч-е; 10. Анче; 11. Ан. Че-в; 12. А.Ч.; 13. А.Ч-в; 14. А.Че-в; 15. А. Чехонте; 16. Г. Балдастов; 17. Макар Балдастов; 18. Брат моего брата; 19. Врач без пациентов; 20. Вспыльчивый человек; 21. Гайка № 6; 22. Гайка № 9; 23. Грач; 24. Дон Антонио Чехонте; 25. Дяденька; 26. Кисляев; 27. М.Ковров; 28. Крапива; 29. Лазерт; 30. Прозаический поэт; 31. Рувер; 32. Рувер и Ревур; 33. Улисс; 34. Ц.; 35. Ч.Б.С.; 36. Ч. без с.; 37. Человек без селезенки; 38. Чехонте; 39. Ч.Хонте, А.; 40. Шампанский; 41. ...вь; 42. З.

Факт № 3. Чехов собирал смешные фамилии.

Среди личных записей писателя встречались такие фамилии, как: провизор Проптер, Римша-Пилсудский, Розалия Осиповна Аромат, «маленький школьник по фамилии Трахтенбауэр», Рыцёборский, Свинчутка, Зевуля, Верстак и т.д.

Факт № 4. Чехов однажды не заметил, как дал автограф.

Заболев, Чехов отправил посылку в аптеку за касторкой в капсулах. Аптекарь послал ему две большие капсулы, которые Чехов возвратил с надписью «Я не лошадь!». Получив автограф писателя, аптекарь с радостью заменил их на нормальные капсулы.

Факт № 5. Ольга Книппер и Антон Чехов венчались тайно.

Свадьба была тайной, это было условие Чехова. Знали обо всем лишь Мария Павловна (сестра Чехова), Станиславский и Немирович-Данченко. После свадьбы Чехов и Книппер прожили вместе лишь шесть месяцев, потом Ольга Леонардовна отправилась

в Москву - работать, а Антон Павлович остался в Ялте. «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству,» - писал Чехов жене. Ольге Книппер-Чеховой было суждено пережить мужа на 55 лет, больше замуж она так и не вышла.

Факт № 6. Из-за рассказа «Попрыгунья» Левитан чуть не вызвал Чехова на дуэль.

Одним из ближайших друзей Чехова был художник Исаак Левитан. В 1892 году вышел в свет рассказ Чехова «Попрыгунья», и многие узнали в его героине Ольге Дымовой - Кувшинникову (художницу-дилетантку, у которой был длительный роман с Левитаном), а в возлюбленном героини

- художнике Рябовском - Левитана. Левитан обиделся на Чехова за это и какое-то время не разговаривал с ним, и даже, говорили, хотел вызвать Чехова на дуэль.

Факт № 7. Чехов не принял пожалованный ему Николаем II титул потомственного дворянина.

28 декабря 1899 года император Николай II подписал указ о том, что Антону Чехову жалуются титул потомственного дворянина и орден Святого Станислава третьей степени, но высочайший указ остался без внимания и последствий. Потомственным дворянином Чехов не стал, а поскольку в России нельзя было жить совершенно без всякого чина, то у Антона Павловича все-таки был чин - отставной сверхштатный младший медицинский чиновник.

Факт № 8. За годы студенчества Чехов получил всего две тройки.

В 1879 году Антон Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета, где учился у известнейших профессоров своего времени. Сохранились, например, экзаменационные ведомости, из которых следует, что Чехов удачно сдал экзамены за первый курс: пятерки по ботанике, зоологии, химии, энциклопедии медицины, четверки по физике, минералогии, немецкому языку; единственная удовлетворительная оценка - по анатомии. За все годы своего студенчества

Чехов получил еще лишь одну тройку - по теоретической хирургии на третьем курсе.

Факт № 9. Толстой «терпеть не мог» чеховские пьесы.

Вот как отозвался о «Чайке» Толстой: ««Чайка» Чехова вздор, ничего не стоящий... «Чайка» очень плоха...». «Нелюбовь» Толстого к пьесам Чехова вообще - притча во языцех. Чехов писал Бунину: «Знаете, я недавно у Толстого в Гаспре был. Он ещё в постели лежал, но много говорил обо всём и обо мне, между прочим. Наконец я встаю, прощаюсь. Он задерживает мою руку, говорит: «Поцелуйте меня», и, поцеловав, вдруг быстро суется к моему уху и такой энергичной старческой скороговоркой:

«А всё-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы ещё хуже!»».

Факт № 10. Чехов отказался от звания академика.

В 1900-м году Чехов был выбран в почетные академики Петербургской академии наук, но уже через два года покинул ее из-за скандала, разгоревшегося вокруг Максима Горького (в феврале 1902 года Академия сначала присвоила Горькому звание академика по разряду изящной словесности, а в марте признала эти «выборы недействительными из-за политической неблагонадежности автора»). Академики Чехов и Короленько публично заявили, что в знак несогласия с этим решением отказываются от своих званий.

Факт № 11. Чехов коллекционировал марки.

За свою жизнь Чехов собрал приличную коллекцию почтовых марок: этому способствовала и обширная переписка, которую вел писатель, и его любовь к путешествиям. Чехов покупал марки во всех городах, где бывал, и отклеивал марки с писем - собственных и тех, что приходили ему от друзей и знакомых.

Факт № 12. У Чехова была целая

армия горячих поклонниц, которых называли «антоновками».

За Чеховым постоянно следовали восторженные поклонницы, когда в 1889 году Чехов перебрался в Ялту, многие из них отправились в Крым за своим кумиром. В январе 1902 года газета «Новости дня» писала: «В Ялте, где живет А.П.Чехов, образовалась, по словам «Саратовского Дневника», целая армия бестолковых и невыносимо горячих поклонниц его художественного таланта, именуемых здесь «антоновками». Последние бегают по набережным Ялты за писателем, изучают его костюм, походку, стараются чем-нибудь привлечь к себе его внимание и т.д. - словом, производят целую кучу нелепостей.

Факт № 13. Вопреки сложившемуся стереотипу, Чехов был высоким.

В отпускном билете, выданном в 1879 году Таганрогской мещанской управой, обозначен рост Чехова: 2 аршина 9 вершков (выше 180 сантиметров).

Факт № 14. Переписка Чехова никогда не издавалась в России «без купюр».

В письмах Чехов был откровенен, ничего не исправлял и не вычеркивал, но после смерти Чехова его корреспонденция подверглась жесткой «корректуре». Например, сестра Чехова Мария Павловна выбросила из писем всё, что, по ее мнению, могло бросить тень на честь семьи. Затем пришло время редакторских и цензурных правок. Например, из писем выбрасывались слова, бывшие во времена Чехова общепотребительными, а впоследствии перешедшие в разряд бранной лексики. В 1970-ые КПСС подвергла цензуре письма «фривольного» характера и даже выпустила постановление «Против оплошности и дискредитации Чехова».

Факт № 15. Чехов сохранил почти все адресованные ему письма.

Как-то Чехов обмолвился, что не любит писать писем, однако в 30-томном академическом собрании сочинений насчитывается около 4 тысяч писем - 12 томов. Предположительно, еще около 2 тысяч писем до нас не дошло.

Больше фактов о Чехове здесь:
<http://www.rian.ru/checkov/20100310/206625192.html>

Кому, как не специалисту по русской литературе II-й половины XIX века, отвечать на вопросы о Чехове, - подумали мы и обратились к «главной» на филфаке по Чехову и не только -

к **Ольге Николаевне Романовой.**

Когда состоялось ваше первое знакомство с Чеховым?

Как и у всех, в раннем школьном возрасте. С «Каштанки» или с «Ваньки». Сейчас кажется, что эти рассказы, как сказки Пушкина, ты знал всегда. В школе многие вещи Чехова прочитала, но осознание уникальности этого художника началось в годы студенческие, когда я посещала спецкурс А.Ф. Виноградова, именно он открыл для меня и текст, и подтекст чеховской прозы и драматургии.

Вообще, чеховские произведения, прочитанные в детстве, говоря высоким слогом, помогали «превосходным образом воспитать в себе человека». «Хамелеон» делает первую прививку против лицемерия. Из сочувствия к Ваньке, сочиняющему письмо «на деревню дедушке», рождаются представления о добре, милосердии и справедливости. А уж про «Каштанку» и говорить нечего! Читать этот рассказ на ночь своему ребенку – и никаких воспитательных процедур больше не надо!

Какое произведение Чехова вы считаете самым «чеховским»? Почему?

«Самого чеховского» произведения, мне кажется, и быть не может. Шутейно-грустный рассказ «Смерть чиновника», и лирически проникновенная повесть «Степь», и публицистически заостренная «Палата № 6», и утонченно-психологический рассказ «романного» содержания «Дама с собачкой», и мистико-философский «Черный монах», и комедия с трагическим звучанием «Вишневый сад» – все чеховское! Сам Чехов считал, что «Студент» – его лучшая и, видимо, очень «чеховская» вещь. Вообще, как и любой автор-классик, Чехов существует в сознании массового читателя в некоем мифологизированном обличье (складывающемся, в основном, благодаря школьному «прохождению» его произведений). У Чехова таких обличий даже два: ядовито-остроумный весельчак, считавший,

что «публику-дуру надо бить по морде» и занудный интеллигент-ипохондрик, впавший в бесконечную тоску. Чтобы преодолеть эти стереотипы, приблизиться к адекватному восприятию творчества и личности писателя, нужно читать и раннего, и позднего Чехова, и его переписку, и его дневники, и воспоминания современников о нем. Самое «чеховское» – это полное собрание его сочинений.

Кто из современных авторов продолжает традиции Чехова?

Из современных авторов последних десятилетий? Сразу и не скажу, это предмет отдельного размышления, а вот в прозе

«Вишневый сад» как драму разорившейся барыньки, другой как поэтическую элегию о России, третий как социальную притчу о смутном времени, четвертый как психологический этюд с фрейдистским душком, пятого интересует символическо-мифологический подтекст, и так до бесконечности. И все это у Чехова есть... Вот только что с этим делать на сцене? Чем далее, тем более я убеждаюсь, что парадокс чеховских пьес в том и заключается, что они не для постановки в театре созданы, а для чтения. Каждый читатель создает свою режиссерскую версию, причем, не исключено,

ко... Лучше отшутиться: мне близка Варька из «Спать хочется»! Кто неприятен? Вопрос заставил задуматься: а когда мы о литературном герое говорим, что он нам неприятен? Крайняя форма неприятия – безразличность, как если бы мы прикоснулись к чему-то липкому и скользкому. Такого рода отторжение вызывают у меня герои, источающие нравственный смрад, поэтому неприятны Ионыч, Червяков. Но, например, тот же Лопухин способен вызвать неприятие только как форму внутреннего несогласия, но назвать его неприятным нельзя – у него своя мера ценностей, свой взгляд на мир, требующий осмысления.

Что бы, по вашему мнению, сказал Чехов о нынешнем времени, о России?

Сказал бы ровно то же, что и о своем. Люди-то что на рубеже XIX-XX, что на рубеже XX-XXI веков – те же, их нравственная природа не меняется от того, на лошадях они ездят или на машинах... Чехов, как и мы с вами, жил в кризисное время со всеми вытекающими из этого последствиями... «Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и оно кажется прекрасным», – говорил Чехов. Видимо, нет «плохих» и «хороших» времен, а есть «плохие» или «хорошие» люди.

Дайте, пожалуйста, современным студентам-филологам позитивный рецепт от доктора Чехова.

Да их много, вот, например, очень подойдет студенту: «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай». Только помните, что Чехов всерьез советы не давал, знал, насколько неблагодарное это дело! А вот позитивные мысли высказывал – почитайте, вдумайтесь, а уж принимать или не принимать их как руководство к действию – дело каждого:

- Правда и красота всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле.

- Смерть страшна, но еще страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно и никогда не умрешь.

- Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, тем он свободнее, тем большее удовольствие доставляет ему жизнь.

Интеллигентную беседу вели позитИФные филологи

Чеховские мотивы

Шукшина я многие чеховские мотивы узнаю, даже предлагала студентам написать на эту тему курсовую работу, но пока смельчаков не нашлось. У Вампилова явно слышны чеховские ноты, впрочем, вся современная драматургия уже немыслима без оглядки на Чехова. Современная литература во многом (изображение абсурда жизни, отчаянного одиночества человека, его тоски по несбыточному) вышла из чеховского «Вишневого сада», как предыдущее поколение писателей – из «Шинели» Гоголя.

Назовите, пожалуйста, наиболее удачные театральные (телевизионные) постановки произведений Чехова.

В плане театральные интерпретаций Чехову, как никому, «повезло»! Он бы изумился, увидев свои пьесы в авангардных версиях современных режиссеров! Чеховский театр – это особенная эстетика, которая дает карт-бланш каждому: один ставит

что в разные периоды жизни читателя-режиссера версии будут прямо противоположными!

Чеховский герой очень точно представлен названием фильма, снятого по мотивам «Дуэли» – «Плохой хороший человек» (с Олегом Далем и Владимиром Высоцким в главных ролях). Нравятся и классические версии «Дамы с собачкой» (Алексей Баталов и Ия Савина), «Анны на шее» (Алла Ларионова в роли Анны). Но все же среди киноверсий я выделяю одну – «Неоконченную пьесу для механического пианино» Никиты Михалкова. Там звучит та самая «чеховская» интонация, тот самый звук, пронзительный и печальный, как «звук лопнувшей струны». Тот звук, который и определяет для меня характер чеховского творчества.

Кто из чеховских персонажей вам близок? Кто неприятен?

Это некорректный вопрос: признаешься, что Анна Сергеевна, заподозрив в курортном романе, скажешь, что Беликов, назовешься «человеком в футляре» (хотя, помимо привычно

негативной оценки, этот образ содержит и иной смысл: человеку свойственно искать для себя «футляр», ту форму существования, в которой ему комфортно), каких героев ни припомнишь – все выходит как-то однобо-

Е.М. Чеховой

18 6/V 77 года

Аминь.

Любезнейшая Сестрица Елизавета Михайловна. Посылаю Вам нижайший поклон с горчайшим упреком. Не знаю, кто виноват, что я не имел удовольствия видеть Вас пред моим отъездом. Да послужат Вам в наказание нечаянно стянутые мною духи!

А за сим пребываю желающим Вам всего лучшего

А. Чехов

И.П. Чехову

28 апреля 1880 г. Москва

Дорогой брат Иван Павлович!

Честь имею поздравить тебя с Новым годом и с новым счастьем и пожелать тебе всего лучшего. Дай бог тебе впоследствии быть счастливым, а главное -- быть протоиереем. Ты извини меня, что я тебе так долго не писал; сам знаешь, времени не было: переулки солил да в целомудрие кремлетаргара молотком лампу вбивал. Кланяйся от меня астраханскому городскому голове и скажи ему от меня, что я на его жену недоволен за то, что Мариуполем нельзя намазывать смывчок, как канифолем. Армяне и павлиновые перья с присвистом и без оного тебе кланяются и благодарят тебя за распушение гирь небесных и колокольный треск. А затем, пожелав тебе всего лучшего и хорошего, остаюсь твой брат, написавший эти щелочные и санитарные строки.

А. Чехов

М. П. Чеховой

3 сентября 1884 г., Воскресенск

Наша собственная сестра!

Уезжаю. Дома уломаю всех. Если находишь лучшим жить в сих краях, а не в тех, то живи.

Саша пробудет в Москве до середины сентября.

Кланяйся мадам Шпехь.

Поклон Киселевым, ввиду его громадности, посылаю через Ивана. У Оленьки Лаишевич кровавый понос. Хотел с ней в законный брак вступить, но теперь не желаю: у нее понос.

Говорят, что ты страшно привязалась к мадам Шпехь. Пригласи ее к нам в Москву. Мы ей тоже кровавый понос устроим, бесплатно. Пишу о поносе для того, чтобы ты не давала никому читать моих писем.

Votre А. Чехонте

Ю.И. Лядовой

21 сентября 1880 г., Москва

Многоуважаемая Юлия Ивановна!

Воспользовался благоприятным случаем, выхватил у Марьи это письмо и спеиу засвидетельствовать Вам мое глубочайшее почтение. Мы все вломились в амбицию. Вместо Ивана Ивановича с Юлией Ивановной, мы видели только одного Ивана Ивановича. Бог Вам судья, гrrrrрафия! Приезжайте скорее к нам; у нас весело, как никогда. У нас торжество теперича неописанное. Наш первый блаприятель, украшение нашей компании, Мишель Дюковский получил орден Станислава 3-ей степени, чего ради мы подсказываем до небес и не знаем, когда будет конец нашей радости. Кланяются Вам мои великие братцы. Поклон Ивану Ивановичу нижайший. Дядюшке и Тетушке передает поклон Ф<едосья> Я<ковлевна>. Будьте здоровы и не забывайте, что у Вас есть покорнейший слуга

А. Чехов.

Больных делов мастер.

Ах Вы женичины, женичины!!! Непостижимый вы народец! Вы везде постараетесь выкопать что-нибудь. Вот я скажу Дюковскому, что написала про него Вам Марья! Adieu!

Ф. О. Шехтелеу

27 мая 1886 г., Бабкино

2 x 2 = 4.

Вчера я причинил Вам вред...

Я послал Вам посылку, за доставку которой Вы заплатите четвертак.

Пусть этот четвертак послужит итрафом за Ваше упорное, беззаконное, ничем не оправдываемое и безнравственное уклонение от поездки в Бабкино!!

Если не приедете на Троицу, то получите еще одну посылку. Стыдитесь!!

Если не приедете, то желаю Вам, чтобы у Вас на улице публично развязались тесемки у кальсон.

Николай не пьет... воды. Вообще - пхе!

Ждуций и потолстевший

А. Чехов

М. В. Киселевой

Июнь 1886 г., Бабкино

Материалисты скажут, что разумнее было бы прислать сначала соды, а потом уж рассказ, но скромный автор думает, что интересы изящного должны преобладать над интересами желудка.

Надеясь на снисхождение критиков, автор просит немедленно выслать деньги за рассказ, иначе его жена и деточки поколеют с голоду.

Адрес автора: во втором этаже около кухни, направо от ватера, между икафом и красным сундуком, в том самом месте, где в прошлом году собака и кошка в драке разбили горшочек.

Автор: А. Индейкин

19 января 1884 г., Москва

Любезнейший друг Дмитрий Тимофеевич!

Сейчас приехал. Если бы ты не прислал, то я сам бы вечером притащил тебе твой восхитительный сюртук.

Спасибо тебе восьмизтажное (с чердаком и погребом). Не будь твоего сюртука, я погиб бы от равнодушия женичин!!! Впрочем, ты человек женатый и не понимаешь нас, холостяков. (Вздыхаю.)

Посылаю тебе Зернова и Лесгафта. Физику Га(в)но вручи Макару. На днях забегу к тебе. Утомлен до безобразия. Пишу фельетон.

Еще раз спасибо за сюртук. Желаю, чтобы он у тебя женился и народил множество маленьких сюртучков. И Макар пусть женится. Ты же будь верен своей жене, иначе я донесу жандармскому генералу. С почтением

А. Чехов

Почему людей уже не первое столетие так привлекают (и будут тянуть всегда) чеховские миры? Что в них особенно заманчивого? Какая магия кроется за его неторопливым повествованием? По какой причине истерические выходки дяди Вани, поверхностное доктринерство профессора Серебрякова, лживые устремления Нины или тяжеловесное скудоумие унтера Пришибеева заставляют обращаться к их духовному опыту, ограниченному набору ментальных возможностей и сопереживать им?

Современность видит в них зеркало? Но зеркал, кроме параноиков и слепцов, не любит никто. Да и сами характеристики этих чеховских миров чересчур антипатичны. Не тянут они на достойное полное отражение.

По большей части они населены тривиальными, погруженными в беспросветную бытовуху персонажами. Среда их обитания тоже непривлекательна: пыльная провинци-

альная улица, душный кабинет среднего администратора, убогая сцена, которая существует, обладая значением, только в представлении дегенеративного режиссера, или

бедное дворянское гнездо.

Они очень стереотипны. Мужчина любит женщину, та никого не любит, даже себя, и заполняет пустоту чувства симуляциями — воображает, что она способна на поступок, который на поверку оказывается полным отсутствием движения. Некто считает себя очень умным, но это только добавляет ему глупости. Подобие человека стремится к мечте, столь же бессмысленной, как и его существование.

Они лишены занимательности. Что занимательного в свадьбе чиновников, или в письме маленького мальчика, или в желании пожилой женщины прочесть собственную пьесу, или во встрече на набережной двух эмоционально мертвых людей. Здесь нет ди-

намизма и контрастности.

В них все одного серовато-зеленого (с редкими вкраплениями синего) цвета, одинакового эмоционального настроя. Под стать цвету и их звуковое оформление: разговоры ни о чем, чтение вслух провинциальной газеты под шум вечного осеннего дождя, которому вторит хор трёх сестер.

Получается, что внешне в мирах Чехова нет ничего, что, так или иначе, актуально для современного культурного пространства. Но это не лишает их магнетической силы. А может, и добавляет её. Причин притягательности гораздо больше, чем мнимых поводов для отторжения. Назову только две.

Чехов никогда не был резонером (морализатором), то есть не допускал общих забойных оценок, потому что понимал: мир и человек не однополярны. Он не мог сказать: «Господа, гляньте,

вон дворянская усадьба, а в ней, ха-ха-ха (ремарка: Громко вздох смеется), одни плебеи и извращенцы. Все, исключений нет. И вы такие же». Он знал, что уроды бывают различные и находятся они всегда в относительном равновесии с позитивными личностями. Он показал тип речевого поведения, сейчас отличающий полноценного, ментально организованного человека от гопника (гопницы или гопничихи).

Миры Чехова обнаженно искренни (эту меру до сих пор не смог перейти никто). Автор присутствует в них со своей внутренней болью и не старается прикрывать её глупой бравадой. А искренность — это то, чего нам сейчас не хватает даже больше, чем красивых лиц, позитивных художников, умных начальников, адекватных блоггеров, честных политиков, денег, правды или спокойствия.

Александр Шунейко

Постоянными обитателями Мелихова (подмосковное имение А.П.) были две таксы, которых Чехову подарил его друг, писатель и редактор Николай Лейкин.

«В четверг, 15 апреля 1893-го года, в Мелихово приехала Маша и привезла с собой 5 фунтов сала, 10 фунтов грудинки, 10 фунтов свечей и двух маленьких такс». Мария Павловна придумала таксам медицинские имена — Хина и Бром (по названию двух самых известных лекарств того времени). «А когда они подросли и стали солидными и толстенькими, Антон Павлович прибавил им и отчества: Хина Марковна и Бром Исаевич». Хина была коричневой, Бром — черным. Позже их щенкам тоже давали медицинские прозвища: Катарр и Селитра. Михаил, младший брат Чехова, назвал свою таксу в соответствии с возникшей традицией — Йод.

Благодарный Антон докладывал Лейкину: «Они бегали по всем комнатам, ласкались, лаяли на прислугу. Их покормили, и после этого они стали чувствовать себя

совсем как дома. Ночью они выгребли из цветочных ящиков землю с посевными семенами и разнесли из передней калоши по всем комнатам, а утром, когда я прогуливал их по саду, привели в ужас

Таксы Чехова

наших собак-дворян, которые отродясь еще не видели таких уродов. Самка симпатичнее кобеля. У обоих глаза добрые и признательные».

За лето собаки в Мелихове пообыкли и целыми днями гоняли по саду кур и гусей. Четвертого августа Чехов писал о них Лейкину: «Таксы Бром и Хина здравствуют. Первый ловок и гибок, вежлив и чувствителен, вторая неуклюжа, толста, ленива и лукава. Первый любит птиц, вторая — тычет нос в землю. Оба любят плакать от избытка чувств. Понимают, за что их наказывают. У Брома часто бывает рвота. Влюблен он в дворянку. Хина же — все еще невинная девушка. Любит гулять по полю и в лесу, но не иначе как с нами. Драть их приходится почти каждый день: хватают больных за штаны, ссорят-

ся, когда едят. Спят у меня в комнате».

Правда, потом Хина Марковна была несколько неразборчива в связях и по двору бегала без привязи, поэтому её щенки были наполовину таксы, наполовину дворяне.

Таксы стали настоящими любимцами писателя: он разговаривал с ними, передавал им привет, когда отсутствовал дома, брал с собой на рыбалку.

«Каждый вечер Хина подходила к Антону Павловичу, — клала ему на колени передние лапки и жалостливо и преданно смотрела ему в глаза. Он изменял выражение лица и разбитым, старческим голосом говорил: — “Хина Марковна!.. Страдалица!.. Вам ба лечь в больницу!.. Вам ба там ба полегчало ба-б”. Целые полчаса он проводил с этой собакой в разговорах, от которых все домашние помирали со смеху. Затем наступала очередь Брома. Он так же ставил передние лапки Антону Павловичу на коленку, и опять начиналась потеха», — вспоминал брат Чехова Михаил.

По материалам Интернет

Пуškai в стихах немного смысла,
Несовершенен быстрый слог,
Но чувства искренни, как чистый,
Едва раскрывшийся цветок.

И рифмой пусть стихи не блещут:
Ты знаешь, блёстки не для нас,
Но каждой строчкой стих трепещет:
Он ищет рифму в блеске глаз.

Пуškai не всё понятно будет,
Но чувства разума сильнее.
И если память стих забудет,
Он будет жить в душе твоей.

Чего же хочет странный стих?
К чему стремится, сам не зная?
К тому, чтобы на краткий миг
В нём две души единой стали...

Уже первая строка стихотворения носит концептуальный характер. Для стихов всё-таки нужны мысли и преимущественно свои. Поэзия – это голос личности. Возникает ощущение того, что не хватает самостоятельности мышления. Первая ассоциация, которую рождает стихотворение, – символизм, парафраза на темы верленовского «Искусства поэзии»: те же мотивы «рифмы-погремушки, рифмы-блестки», «странности» стиха, зыбкости смысла, апелляции к чувству читателя. Допускаю, что это личные мысли автора, но, увы, как представитель XXI века, он оказался в ситуации «это уже было сказано». Рецепт, как выйти автору из подобной ситуации, дал У. Эко. Оригинально, пожалуй, только последнее двустишие. Такой «пуант» в финале, разворот в развитии темы, действительно, озадачивает, рождает вопросы. В целом, «вторичность» текста не раздражает меня как критика: наличие авторской культуры всегда вызывает симпатию. Однако, к сожалению, эта же «вторичность» не вызывает во мне (читателе) эмоционального всплеска. Не остается образа стихотворения в целом. Мне представляется, что поэтическое произведение должно рождать в воображении читателя какой-то визуальный образ. Однажды Блок сказал, что стихотворение — это ткань, растянутая на остриях нескольких слов, и эти слова светятся, как звёзды. Яркий визуальный образ в процессе прочтения не рождается, потому что в этом стихотворении нет ни одного «слова-звезды».

Перевод – всегда дело сложнее и не благодарное. Помимо знания языка, он требует огромной культуры (не только переводческой), широчайшей эрудиции. Но самое главное – он требует тончайшей чувствительности и собственных поэтических ресурсов, дарования, чтобы воплотить средствами другого языка и передать читателю ту самую поэтичность до слов, о которой писали многие поэты и философы, некое возникшее ощущение, образ. С другой стороны, трудно соблюсти баланс собственного видения и дарования и авторского. Замечательный переводчик английской поэзии Григорий Кружков однажды высказал мысль, что перевести поэзию невозможно. Но при этом он многие годы занимается переводом, потому что считает, что переводчик – это читатель, которым движет чувство любви к стихотворению, восхищения. По его мнению, именно очарованность чужим стихотворением порождает неодолимое желание воспроизвести это впечатление, эту эмоцию.

Ангелы (перевод с немецкого)

Глаза их вечно утомлённы
И свет в их душах безупречных.
Тоска, как от греха свершённого,
Мечту переполняет вечную.

Как отражение друг друга,
В обители цветущей Бога
Они безмолвны. Пауз много
В движеньях их, в сплетеньях звука.

И если крылья их простёрты,
То, ветер этим пробуждая,
Изображают Бога поступь,
Скульптур творца с широкой дланью,
Вдоль Тёмной книги строк начальных.

У меня вызывает уважение отвага нашего «переводчика» и его любовь к Рильке (принимая это как аксиому, иначе что им движет?). Однако перевод, на мой взгляд, нуждается в доработке, поскольку просто «глаз режут», во-первых, многочисленные (для 3-х строф) алогизмы: «пауз много в сплетеньях звука», «тоска мечту переполняет вечную» (нужно быть осторожнее с лексикой, обозначающей отвлеченные понятия, рискуете превратить свое произведение в бессмыслицу); во-вторых, конструкция «Изображают <...> Скульптур творца» построена грамматически неверно. Эти, казалось бы, «пустяки» подчеркивают всю проделанную работу. Я предпочитаю придерживаться классического взгляда на вещи: вольности с языком могут позволить себе только непререкаемые авторитеты, признанные поэты. «Что позволено Юпитеру — не позволено быку».

Завершая тему перевода, предлагаю автору «увидеть» «Ангелов» Рильке в восприятии Вячеслава Куприянова.

Заблудилась? Линия губ
Еле дрогнула в знак согласия.
Посмотри, словно кровь в снегу
Та рябина алеет... Разве я

Намекаю на что? О, нет!
Всё известно тебе до последнего.
Ах, как нетвёрдо ступать ноге
По талому снегу...

В грязных водах слепящие отблески.
Средь осколков разбитых судеб,
Среди непоправимых оплошностей
Вспоминаем случайно о том,
что люди мы.

Это стихотворение гораздо интереснее. Ощущается какая-то внутренняя геометрия, связанная отчасти с тем, что в нем рассказывается (история лирической героини очень понятна, вызывает резонанс в душе практически каждого человека), отчасти с его композицией (интересно стяжение параллелизма и анжамбемана; лирический сюжет возникновения, расцвета и умирания любви лаконично укладывается в ключевые образы, которые одновременно воссоздают пейзаж и развитие романа: «рябина в снегу» - зима – возникновение чувства, «талый снег» - начало весны – развитие чувства, «слепящие отблески» в «грязных водах» - конец весны – финал романа), отчасти с лексикой (стихотворение построено из совершенно простых слов).

Такие стихи мы встречаем у Ахматовой. Она составляет стихи из простых слов, из простых понятий и при этом потрясающе передает личную драму, ситуацию «не-любви»: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...». Думаю, нашему автору тоже это вполне удалось.

Мой любимый философ Мераб Мамардашвили писал, что поэзия — это нечто такое, что существует ещё до своего воплощения в слова, что поэтичность существует чуть-чуть раньше слов и через них становится явной.

Думается, наш молодой автор – это человек, который интуитивно ощущает, что поэзия действительно существует ещё до и помимо слов. И я верю: со временем он блистательно сможет в каждом стихотворении выразить словом вечность и миг, весь мир, всю историю человечества и свой личный опыт, свою единственную, неповторимую судьбу. Желаю творческого вдохновения.

Студенческие стихотворения
рецензировала Е.А. Неживая

Если боитесь одиночества, то не женитесь.

Одна боль всегда уменьшает другую. Наступите вы на хвост кошке, у которой болят зубы, и ей станет легче.

Университет развивает все способности, в том числе и глупость.

Даже болеть приятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждут твоего выздоровления, как праздника.

Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой.

Доставляет удовольствие только то, что не нужно.

Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству.

Ехать с женой в Париж все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром.

Настоящий мужчина состоит из мужа и чина.

Нет того уroda, который не нашел бы себе пары, и нет той чепухи, которая не нашла бы себе подходящего читателя.

Умный любит учиться, а дурак — учить.

Человек, который не курит и не пьёт, поневоле вызывает вопрос: «А не сволочь ли он?»

География — наука почтальонов.

Для большинства наших барышень за кого ни выйти, лишь бы выйти.

Чиновники размножаются, как поганки, — делением.